

ОБРАЗ СИБИРИ В КНИГЕ Н.С. ЩУКИНА «ПОЕЗДКА В ЯКУТСК»

Оxana IVANOVA¹

Оксана Иннокентьевна ИВАНОВА

АННОТАЦИЯ

В статье обращается внимание на стереотипные представления о Сибири, на своеобразии менталитета сибиряков, на климатические условия, описанные в книге Н.С. Щукина «Поездка в Якутск». Город Якутск с обитателями рассматривается как составляющая часть образа Сибири, констатируется субъективизм автора в описании инородцев.

Ключевые слова: Образ, Сибирь, Н.С. Щукин, Якутск, Якуты.

Ivanova, Oxana. "Image of Siberia In Shchukin`s Book "A Trip To Yakutsk"". *Siberian Studies (SAD)*, 3.8 (2015): 17-24.

Ivanova, O. (2015). Image of Siberia In Shchukin`s Book "A Trip To Yakutsk". *Siberian Studies (SAD)*, 3 (8), s.17-24.

¹ Associate professor, Russian and Foreign Literatures Department, Faculty of Philology, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Sakha Republic, Russia, Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, филологический факультет, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, oxanaiva(at)mail.ru

IMAGE OF SIBERIA IN SHCHUKIN`S BOOK "A TRIP TO YAKUTSK"

ABSTRACT

In this article a special attention is paid to stereotyped image of Siberia, peculiarity of Siberian people`s mentality and climatic conditions that have been described in Shchukin`s book "A trip to Yakutsk". Yakutsk with its inhabitants is studied as a divisional part of Siberia`s image. Subjectivism of the author in describing indigenous dwellers is stated.

Keywords: Image, Siberia, N.S. Shchukin, Yakutsk, Yakut People.

Николай Семенович Щукин (1792-1883) – русский писатель, этнограф, краевед. Родился в Иркутске, учился в Иркутской гимназии, где впоследствии преподавал, и Петербургском университете. Из Петербурга часто совершал длительные поездки по стране. Книга Н.С. Щукина «Поездка в Якутск» (1833) написана в эпистолярном жанре, в форме писем к другу. Автор описывает свою поездку из Иркутска в Якутск в 1830 году. Таким образом, мы сталкиваемся здесь с «модальностью путешествия» (Замятин, 2004: 36). В самом начале повествования Н.С. Щукин отмечает, что у друга, скорее всего, мифологическое представление о Сибири как о стране гипербореев. В статье «Специфика бытования «сибирского текста» в литературной ситуации последней трети XIX века» исследователь Е.А. Макарова утверждает, что Сибирь на всем протяжении первой половины XIX в. осмысливается как конфликтное пространство, своего рода «инопространство». Эта далекая страна существует в литературе и культуре в целой системе стереотипов, предстывая как «страна угрюмая и глухая», «царство вьюги и мороза, где жизни нет ни в чем», как «страна молчания», «безголосая Сибирь», «страна изгнания», «край света», жители которого виделись, по словам П.А. Словцова, «какими-то сиротами на чужбине» (Макарова, 2014: 50). Не отличается оригинальностью и мнение о Сибири Н.С. Щукина. Он пишет: «При взгляде на сию пустоту и дикость рождается мысль: будут ли когда-нибудь берега Лены населены так, как берега Волги? Кажется, никогда!» (Щукин, 1833: 34). По этой причине Щукин хотел бы, чтобы китайский «Богдохан» вывел из Китая миллион трудолюбивых земледельцев и населил ими плодородную Сибирь, которая, по словам Карамзина, должна дать простор прочим частям света, стесненным населенностью (Щукин, 1833: 10).

Согласно точке зрения А.В. Кубасова, длительность времени и бескрайность пространства, бессилие человека перед ними и невозможность подчинить их себе рождает такое специфическое качество русского менталитета, как скука. От нее никуда не скрыться, она носит фатальный, всепроникающий характер. Скуку испытывают все сибиряки (Кубасов, 2014: 82). Не избежал скуки и нарратор: «Сколько бы переехано было государств и владений на таком пространстве в Европе! Между тем как здесь одна еще губерния и только третий уезд. Скука начинает прокрадываться в наш павозок...» (Щукин, 1833: 63); «Кроме скуки от тихой езды, кроме страдания от морозов и ветров, путешественник подвергается опасности утонуть» (Щукин, 1833: 75).

В одном из писем писатель-краевед восхищается красотой Ленских столбов и сравнивает их то с садами Семирамиды, то с Исакиевскими колоннами. Ему видится чудовище сфинкс, лев, крокодил, висячий сад

(Щукин, 1833: 95,96). Щукин восклицает: «Вся скука, вся неприятность путешествия водою, суть малыя жертвы, принесенныя в дар тому удовольствию, которое найдет здесь каждый мыслящий и любопытный человек» (Щукин, 1833: 97). Он призывает читателей не отзываться о Сибири с презрением, как о стране варваров, ссыльных, вечных льдов и снегов, так как мудрая природа наделила ее чудесами, компенсирующими недостаток в человеческом общении. Так как автор родом из Сибири, он смотрит на нее не глазами человека извне, а изнутри. Для него Сибирь не является чужой стороной.

Текст книги Н.С. Щукина «Поездка в Якутск» написан в орфографии и пунктуации начала XIX века. Приведем пример из книги для того, чтобы у современного читателя была возможность ясно представить, какими были правила орфографии и пунктуации двухсотлетней давности.

**Лена на всемъ пропшяженіи своемъ опъ
успья до моря не имѣетъ пороговъ; вода въ
ней мягка и тепла, а опъ песчаного дна про-
зрачна шолько на незначипельной глубинѣ. Опъ
Вишима она дѣлаепся рыбною рѣкою: спер-
лядь, осепры, нельма, омули, моксуны ловяпся
лѣшомъ во множеспвѣ; еспъ и ерши, но жи-
пели пренебрегаюпъ ими.— Мнѣ показались они
хуже Невскихъ.— Омуль Ленской совѣмъ не по,
чшо Байкальской, первый вдвое больше послѣд-
няго, впрочемъ совершенно похожъ на него и
видомъ и вкусомъ. Если бы Лена вмѣспо Ле-
довишаго моря впала въ Воспочный Океанъ,
сколькo бы выгодъ доспавила она Сибири!**

Через три недели после начала путешествия Щукин доехал до Якутска. На тот момент в Якутске было всего до 300 обывательских домов и 1811 душ населения (Щукин, 1833: 116). Несмотря на то, что город стоит на Лене, и летом, и зимой жители страдают от жажды. Летом они ездят за водой до протоки, а зимой запасаются льдом. Автор книги очень подробно описывает крепость, оставшуюся от казаков-завоевателей. Город был тогда деревянный, и, так же, как и в настоящее время, после дождя в городе была непроходимая грязь, а в засуху – пыль столбом. В XXVIII письме находим картину летнего Якутска: «Прошла зима, настал июль месяц: атмосфера наполняется густым туманом, солнце, как раскаленный шар, пылает на небе и жгет землю, трава выгорает, от жару нет нигде спасения, улицы пустеют, жители закрывают окна ставнями и сидят в темноте» (Щукин, 1833: 122-123). Самым длительным временем года в Якутии является зима. В книге описываются ощущения автора при 40-градусных морозах: «Более получаса ходил я по улицам и возвратился благополучно домой. Лицо, нос и уши, завернутые в воротник, были теплы, ноги зябнули, но не слишком; только колена мерзнули и ресницы от дыхания смерзались; воротник безпрестанно покрывался куржевиною, которая по очищении вновь раждалась через несколько минут. В груди делалось сильное стеснение, там лежал будто камень; но сие происходило тогда, когда скоро пойдешь, при умеренной же ходьбе ничего особенного не было. В начале зимы с наступлением морозов делалась в горле какая-то горечь, но это вскоре прошло» (Щукин, 1833: 180,181).

Город изображен писателем как торговый, купеческий. Важнейшие статьи в торговле – хлеб и сухари, а в вывозе – пушные звери. Соответствовало городу и его население: «Дворян здесь нет, чиновники же вообще люди без состояния, живущие одним жалованьем и кое каким хозяйством; но господствующий класс есть купцы. Эти люди известны, по их стремлению к богатству, к деньгам...»(Щукин, 1833: 161). Местные жители в представлении автора книги излишне бережливы; скупость почитается у них за добродетель; они склонны к тяжбам и ябде: «сею болезнью заражены и Русские и Якуты». Внутреннее состояние горожан определяется очень лаконично: несносная скука. Вот как выглядит обед в купеческом доме: «Каждый сидел молча, углубивши нос в тарелку, изредка кидая недоверчивые взгляды на своих соседей; или сказав слова два, осматривался на все стороны, не подслушивает ли кто его» (Щукин, 1833: 163). Господствующим языком в городе является якутский, здешние жители почти не читают, воспитание девиц ограничивается умением читать и писать (о приятных искусствах здесь понятия не имеют) (Щукин, 1833: 170).

Много внимания Н.С. Щукин уделяет подробным характеристикам пушных зверей: соболя, черно-бурой лисицы, белки, горностая. И попутно отмечает: «Мир с Турциею подаёт надежду на хороший сбыт соболей за границу, а потому и товар сей вздорожал; но цены на лисиц упали чрезвычайно» (Щукин, 1833: 143).

По мере продвижения из Иркутска в Якутск автор писем описывает инородцев. В первую очередь он встречает на пути бурят и подчеркивает, что они безграмотны и без всякой религии, кроме шаманства (Щукин, 1833: 17). Также краевед дает обстоятельную характеристику тунгусов: тунгусы среднего роста, они плотны, лицом калмыковаты, как все восточные азиатцы, говорят «Манжуйского» языка наречием <тунгусо-маньчжурский язык – О.И.>. Нравы их кротки, ложь и обман между ними мало известны (Щукин, 1833: 85).

О якутах Щукин пишет, что они, скорее всего, татарского происхождения. Исповедуют они христианство, а придерживаются языческих обыкновений. Внешность и физические качества якутов автор описывает так: «Якуты вообще небольшого роста, лицом очень калмыковаты, но не слишком смуглы, глаза имеют черные блестящие. Здоровы и крепки, жар и стужу переносят легко, обжорство, столь между ими похвальное проходит без всяких последствий» (Щукин, 1833: 219). Также, по мнению этнографа, якуты хитры, пронырливы, коварны, злопамятны и мстительны, а также склонны к ябедничеству и жалобам. «Страсть к воровству и картежной игре повальна; плут и мошенник почитается человеком умным» (Щукин, 1833: 221). Конечно, Н.С. Щукин пишет с точки зрения колонизатора, для которого «вредные» черты характера якутов малопривлекательны, он предпочитает иметь дело с более покладистыми бурятами и тунгусами. По этому поводу исследователь Е.К. Созина в статье «Этнографически-колониальный субтекст в составе сибирского текста: по произведениям К. Носилова и П. Инфантьева» отмечает, что для русского как для определенного социально-исторического типа сознания характерно отношение Отца в отношении малых народностей, неразумных и наивных детей (Созина, 2014: 108).

Противоположную оценку характеру якутов дает в своих воспоминаниях ссыльный декабрист М.И. Муравьев-Апостол, который жил в Вилуйске в 1828-1829 годах. Однажды, возвратившись с прогулки, он застал у себя трех якутов, которые расположились на полу, скрестив ноги. Когда хозяин дома отрезал им по большому ломтю ржаного хлеба, они хлеб съели, при этом не то что не поблагодарили, а даже и не взглянули на Матвея Ивановича. Автор воспоминаний был удивлен поведением непрошенных гостей

и одновременно позабавлен. Но, тем не менее, выводы из этого посещения декабрист сделал в пользу якутов. Он пишет: «Они без спросу вошли в юрту погреться, потому что сами не воспретили бы никому воспользоваться их чувалом; за хлеб не поблагодарили, полагая, что я угощением своим подчиняюсь вошедшему в силу закона обычаю, а поклона не отвесили мне, не бывши со мной знакомы. Такое игнорирование принятых у нас правил общежития, избличая первобытную простоту нравов, окупается вполне редкими качествами: они крайне правдивы и честны, лукавства в них нет, и воровства они не знают. В моем отсутствии они даже из любопытства ни до чего не прикоснулись» (Сафронов, 1975: 94).

Итак, у Н.С. Щукина Восточная Сибирь предстает как страна малонаселенная, дикая, путешествовать по этой бескрайней стране очень скучно и довольно опасно. Восхищение краеведа вызывает река Лена, а в особенности Ленские столбы. Цель поездки – город Якутск – описывается автором подробно. Город небольшой, деревянный, живут здесь в основном русские купцы: скупые, бережливые люди. Автор писем на протяжении всей книги восхищается русскими землепроходцами, покорителями Сибири, но в отношении к инородцам-якутам проявляет заметную предвзятость в оценках.

БИБЛИОГРАФИЯ

Замятин, Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. 512 с.

Кубасов, А.В. Ментальное пространство сибиряков в очерковом цикле А.П. Чехова «Из Сибири»// Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве [Электронный ресурс]: колл. монография. М.: ФЛИНТА, 2014. 226 с.

Макарова, Е.А. Специфика бытования «сибирского текста» в литературной ситуации последней трети XIX века// Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве [Электронный ресурс]: колл. монография. М.: ФЛИНТА, 2014. 226 с.

Сафронов, Ф.Г. Декабристы в якутской ссылке. К 150-летию со дня восстания декабристов.

Созина, Е.К. Этнографически-колониальный субтекст в составе сибирского текста: по произведениям К. Носилова и П. Инфантьева// Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве [Электронный ресурс]: колл. монография. М.: ФЛИНТА, 2014. 226 с.

Щукин, Н.С. Поездка в Якутск. СПб.: Типография Конрада Вингебера, 1833. 231 с.